

РОССИЯ В МИРЕ: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Л.В. НИКИТИН

География банковского сектора в США и России: параллели и различия (1980-е–начало 2010-х годов)

В статье на основе большого статистического материала сопоставляется эволюция внутренних банковских пространств США и России на протяжении 1980-х–начала 2010-х гг. Проведенное исследование показывает, что, с одной стороны, в обеих странах синхронно усиливается разрыв между лидирующими и отстающими банковскими центрами, с другой – Россия заметно отличается от Соединенных Штатов в плане существенно большей роли административного статуса городов.

Ключевые слова: банки, конкуренция городов, статистический анализ, расслоение.

Банковский сектор, играющий огромную роль в мировом хозяйстве и заслуживающий внимания во многих своих аспектах, неизменно вызывает интерес со стороны ученых различного профиля. В частности, за последнее время некоторым научным коллективам и отдельным специалистам удалось выполнить большую работу по изучению географических параметров данной отрасли (см., например, [Cassis 2010; GaWC; Z/Yen]). Однако при всех успехах в исследовании мировых финансовых центров и конкуренции между ними до сих пор малоизученным остается вопрос о территориальном устройстве банковского дела на уровне отдельных стран. В этой связи я попытаюсь параллельно заполнить два существенных пробела и сопоставить, опираясь на свои предыдущие работы (см., например, [Никитин 2008; 2011; 2012^a; 2012^b]), векторы развития внутренних банковских пространств Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки.

В хронологическом плане исследование охватывает длительный период (1980-е–начало 2010-х гг.), на протяжении основной части которого почти во всем мире, включая обе рассматриваемые страны (хотя и при существенных различиях между ними), наблюдались сворачивание государственного присутствия в экономике и ее развитие преимущественно в русле неолиберальной модели. В эту эпоху полностью укладываются три макроэкономических цикла глобального уровня (кризис 1980–1982 гг. и подъем 1983–1989 гг.; кризис 1990–1992 гг. и подъем 1993–2000 гг.; кризис 2001 г. и подъем 2002–2007 гг.), причем начало каждого из них приблизительно совпадает с началом очередного десятилетия. Именно эти рубежи – основа периодизации внутри

Никитин Леонид Витальевич – кандидат исторических наук, доцент Челябинского государственного педагогического университета и Южно-Уральского государственного университета. Адрес: Челябинск, просп. Ленина, д. 76. E-mail: nd2001nikitin@mail.ru.

данной работы. Кроме того, в заключительной части статьи будет затронут четвертый, пока еще не завершённый макроэкономический цикл, связанный с мировым кризисом 2008–2009 гг. и попытками преодоления его последствий.

В отличие от хронологической сетки, которая представляется достаточно очевидной, выбор названной пары государств для компаративного анализа требует некоторых обоснований. Конечно, между историческими путями России и США существует множество принципиальных различий. Вместе с тем у двух стран есть и похожие черты: огромная территория и численность населения, федеративное устройство, большие внутренние контрасты, выраженная сырьевая специализация отдельных регионов и т.д. Более того, определенные аналогии можно наблюдать и при сопоставлении двух банковских систем, особенно их пространственных характеристик.

Конечно, очевидное преимущество американской кредитной отрасли (по сравнению с российской) – непрерывное двухсотлетнее развитие в условиях демократических порядков и свободы частного предпринимательства. Но в то же время из-за децентрализованного характера государства, которое исторически строилось “снизу вверх”, в США сложилась необычная ситуация, при которой каждый штат мог развивать свой банковский сектор по собственным правилам (по крайней мере, в вопросах лицензирования) и препятствовать приходу кредитного бизнеса из других частей страны. Даже появление банков с федеральной регистрацией (главным образом после Гражданской войны 1861–1865 гг.) не внесло принципиальных изменений в эту картину. Принятый в 1927 г. Закон Пеппера–Макфаддена уравнивал возможности региональных и национальных банков, разрешив последним создавать филиалы лишь в пределах тех штатов, где располагались корпоративные штаб-квартиры. Хотя в дальнейшем крупнейшие финансовые группы научились частично обходить этот запрет, искусственная географическая раздробленность еще долго оставалась одним из “фирменных знаков” банковской системы США.

К тому же Великая депрессия 1930-х гг. и связанная с ней утрата веры в рыночную стихию принесли новые ограничения – прежде всего государственный контроль над уровнем депозитных ставок и запрет на совмещение традиционной кредитной деятельности с игрой на фондовом рынке. В результате банковский механизм Соединенных Штатов оказался одним из самых зарегулированных в западном мире. При всей своей неоднозначности мощная государственная коррекция рынка внесла большой вклад в длительную стабильность кредитного сектора и национальной экономики в целом.

В этих условиях на протяжении десятилетий неизменными оставались и географические контуры отрасли. Абсолютным лидером банковского дела был Нью-Йорк, за ним с большим отставанием следовали Чикаго и Сан-Франциско. Все было логично и предсказуемо: место каждого города или штата в национальной банковской системе с высокой степенью точности соответствовало его месту в демографических и экономических показателях страны.

Впрочем, даже в своих самых строгих аспектах американское госрегулирование выглядело еще вполне либеральным по сравнению с той практикой, которая сложилась с конца 1920-х–начала 1930-х гг. в Советском Союзе. Проведенные тогда реформы полностью уничтожили легальное частное предпринимательство, в том числе и в кредитной сфере. В дальнейшем на этом поле действовали только Госбанк СССР и его отраслевые ветви, которые выполняли ограниченный набор функций, не сопоставимый с многообразным финансовым сервисом США или Западной Европы. Банковская отрасль в ее советском варианте занималась преимущественно технической работой, обеспечивая по указанию вышестоящих инстанций организованный перевод средств между различными сегментами управляемого национального хозяйства. В отдельных случаях такая отлаженная машина могла справляться с задачей концентрации средств, но в долгосрочном плане была совершенно непригодна для гибкого межотраслевого перераспределения ресурсов в условиях технологического прогресса и усложняющейся структуры экономики.

Будучи подчиненной частью планово-мобилизационного механизма, банковские учреждения и сами повторяли важнейшие черты Системы, прежде всего крайнюю степень централизации. Высшее руководство практически единого кластера государственных банков находилось в Москве. В других городах, соответственно их административному статусу, могли действовать только “конторы”, “субконторы” и иные подразделения установленного ранга. Вынужденные и краткосрочные изменения произошли лишь на первых этапах Великой Отечественной войны (перевод центральных учреждений Госбанка в Казань, а затем в Куйбышев; создание в Горьком, Челябинске и ряде других городов института уполномоченных Госбанка, наделенных правом оперативно решать некоторые вопросы [Барковский 1998, с. 42–43]), однако после 1942 г. монопольное положение Москвы было восстановлено. Таким образом, к началу переломных 1980-х гг. у двух банковских систем не было почти ничего общего, за исключением одного принципиально важного обстоятельства – строгого (а в советском варианте тотального) контроля со стороны государства.

Итак, что же изменилось в дальнейшем, то есть непосредственно в рамках изучаемого тридцатилетия? Обратимся сначала к ситуации 1980-х гг., которые рассматриваются здесь в качестве первого периода, и попробуем параллельно осветить события, происходившие в двух странах.

Банковский сектор в 1980-е годы

В Америке и деловые круги, и политический истеблишмент остро почувствовали необходимость перемен еще во второй половине 1970-х гг. Потрясения на рынке энергоносителей, распад Бреттон-Вудской системы валютных обменов, неудержимый взлет инфляции и многие другие обстоятельства все чаще приводили к выводу о бесперспективности того пути, по которому страна шла уже почти полвека. Начинался переход от широкомасштабного госрегулирования (кейнсианской модели) к неолиберальной экономике.

Если говорить непосредственно о банковской сфере, то в отношении нее первый тур реформ пришелся на 1979–1982 гг. Особенно большое значение имели два юридических акта: Закон о дерегулировании депозитных учреждений и денежном контроле (март 1980 г.) и Закон о депозитных учреждениях, известный так же, как Закон Гэрна–Сент-Джермена (октябрь 1982 г.) [Depository... 1980; The Garn–St. Germain... 1982]. С их принятием были частично устранены преграды для развития межштатных корпоративных сетей и почти полностью отменен административный контроль над уровнем банковских ставок. Кроме того, существенно расширились права ссудо-сберегательных ассоциаций (или сбербанков)¹ – небольших, но многочисленных структур, специализировавшихся на розничной ипотеке, а теперь получивших возможность работать во многих других сегментах кредитного бизнеса.

Эти новшества (особенно в сочетании с общей либерализацией экономики, развернувшейся при администрациях Дж. Картера, а затем Р. Рейгана) привели к мощному подъему банковской отрасли, а заодно и к некоторому изменению ее географических параметров. Так, при неизменном лидерстве Нью-Йорка заметно усилили свои позиции в качестве финансовых центров техасские города Хьюстон и Даллас, что было тесно связано с недавним бумом в местной нефтедобывающей промышленности и с последующим расцветом строительного сектора. Та же сфера жилой и офисной недвижимости, но уже в сочетании с индустрией высоких технологий, внесла свой вклад в повышение банковской значимости Бостона. Довольно неожиданно в большую игру ворвался город Шарлотт (штат Северная Каролина), где местные банки, хорошо сориентировавшиеся в новых правовых условиях, стали активно скупать бизнес разорившихся конкурентов в Джорджии и Флориде; тем самым Шарлотт начал превращаться

¹ Англ. *Savings and Loan Associations (S&L)*.

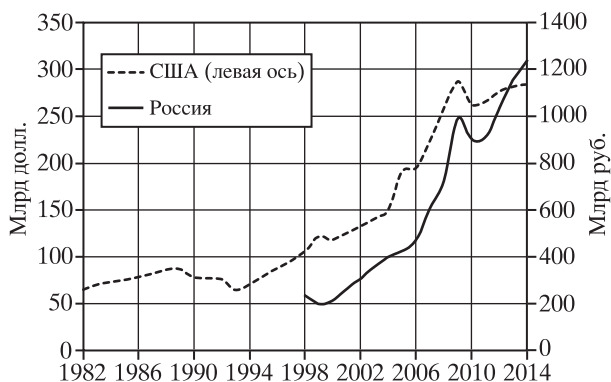

Рис. Среднеквадратические отклонения (СКО) суммарных банковских активов по городам США и России в 1982–2014 гг.*

* Рассчитано автором на начало года в национальных валютах и постоянных ценах 2005 г., на основе сведений Федеральной корпорации США по страхованию вкладов (ФКЦВ) (<http://www2.fdic.gov>), информационного агентства Thomson Reuters (<http://www.thomsonreuters.com>), Банка России (<http://www.cbr.ru>) и Статистического отдела ООН (<http://unstats.un.org>).

в главный узел финансовой активности на юго-востоке США. Наконец, еще один способ достижения успеха демонстрировали “внутренние офшоры”, прежде всего штаты Делавэр, Южная Дакота и Невада, которые внесли в свое законодательство различные налоговые и иные льготы для кредитных компаний. Возможность существенной “оптимизации” бизнеса заинтересовала ряд крупнейших финансовых холдингов, в основном из Нью-Йорка, которые вскоре перевели в офшорные юрисдикции часть своих специализированных подразделений.

Любой из приведенных примеров банковских успехов был, несомненно, важен и интересен сам по себе, но еще большее значение имел тот факт, что за набором частных случаев просматривалась общая закономерность. Она может быть с высокой точностью и надежностью зафиксирована при помощи математического инструментария. В русле данной работы уместно для каждой из хронологических точек, идущих с интервалом в один год, рассчитать среднеквадратическое отклонение (СКО), то есть базовый статистический показатель, отражающий меру разброса индивидуальных значений какого-либо признака (в нашем случае – величины банковских активов в различных городах США). Чем сильнее с течением лет расходятся индивидуальные результаты, тем выше становится значение этого параметра².

Именно такая восходящая динамика сформировалась в первой половине и середине 1980-х гг. (см. рис.). Иными словами, едва начавшийся рост экономической свободы

² Статистический фундамент данной работы требует некоторых дополнительных комментариев. В поле исследования вошли все корпорации изучаемого профиля, зарегистрированные в 400 наиболее важных городах (по 200 городов в каждой стране). Исходной точкой вычислений послужили балансовые отчеты, регулярно публикуемые Федеральной корпорацией США по страхованию вкладов (<http://www2.fdic.gov>) с 1993 г. и Банком России (<http://www.cbr.ru>) – с 1998 г., а также Статистического отдела ООН (<http://unstats.un.org>). Американские показатели, предшествующие 1993 г., рассчитывались на основе справочных таблиц издательского дома Rand McNally, права на выпуск которых сейчас принадлежат информационному агентству Thomson Reuters (<http://www.thomson-reuters.com>). Именно на этих материалах (с учетом последующих группировок и фильтраций) основаны как общие выводы, так и наблюдения, касающиеся индивидуальных траекторий российских и американских городов. Принципиально важно, что в отношении США расчеты проводились не по отдельно взятым банкам, а по холдингам, которые уже несколько десятилетий являются основным структурным звеном американского кредитного бизнеса (и к тому же имеют специальную регистрацию в Федеральной резервной системе). Наконец, вернувшись непосредственно к математическим инструментам, необходимо отметить, что ключевые выводы данного исследования были (в дополнение к СКО) протестированы с помощью иных видов статистической техники – квинтильных коэффициентов и коэффициентов вариации. Общие результаты, полученные на этой основе, оказались близкими к тому, что удалось выявить с помощью СКО.

сразу же повлек за собой определенное географическое расслоение. Либерализация придала американскому банковскому сектору дополнительную подвижность; одним она помогла добиться огромных успехов, а других вытолкнула на обочину.

Впрочем, ситуация заметно трансформировалась во второй половине десятилетия. Основным источником проблем стали сберегательные банки, многие из которых, выйдя за привычный и уютный мир розничной ипотеки, так и не смогли успешно адаптироваться к более широкому рынку. В результате за три–четыре года разорились несколько сотен таких компаний. К тому же из-за проблем в смежных отраслях (перепроизводства и резкого торможения в сфере недвижимости, почти обвального падения мировых цен на нефть, развернувшегося с осени 1985 г., и т.д.) возникли проблемы и у традиционных коммерческих банков. Еще один удар по отрасли нанесли потрясения на фондовом рынке в октябре 1987 г. Словом, банковский сектор США вступил в полосу тяжелого и затяжного кризиса, позднее переросшего в общий циклический кризис национальной экономики.

На этом фоне изменились и пространственные параметры отрасли, самый важный из которых отражен на рисунке. Как видим, ранее наметившийся рост СКО теперь сменился на противоположную тенденцию. Многие из тех городов, которые находились в центре предыдущего бума (прежде всего Даллас и Хьюстон), в новых условиях особенно сильно пострадали от кризиса. Более резкое торможение у лидеров привело к некоторому сглаживанию географических контрастов (что в техническом плане и проявляется как снижение кривой СКО на рисунке). Конечно, явления, наблюдавшиеся однократно, еще не могут трактоваться как устойчивая закономерность, но в любом случае американский материал 1980-х гг. уже позволял в гипотетическом плане предположить, что свободный рынок в фазе подъема способствует расслоению между более и менее успешными городами, тогда как в условиях кризиса, наоборот, происходит сокращение разрывов.

Теперь попробуем соотнести события в США с тем, что происходило в это же время по другую сторону океана. Банковская система позднего СССР по своей фундаментальной организации и экономическим функциям все еще выглядела почти такой же, как в далекие 1930-е гг. Однако становившаяся все более очевидной неэффективность советского хозяйственного механизма (да еще в условиях падения мировых цен на нефть) заставляла правящую элиту задумываться о необходимых реформах. С конца 1970-х–начала 1980-х гг. в Совете министров СССР, Госплане СССР, Экономическом отделе ЦК КПСС, а также в ряде академических институтов Москвы и Новосибирска все чаще прорабатывались проекты преобразований, направленных – в соответствии с мировым трендом (хотя, конечно, при совершенно другом идеологическом оформлении) – в сторону относительной свободы хозяйственной деятельности. Некоторые проекты относились и к кредитной сфере. Так, уже в начале 1983 г. союзное Министерство автомобильной промышленности выдвигало идею создания первого отраслевого банка [Кротов 2008, с. 178–180]. В 1984–1985 гг. при настроенном на реформы председателе Госбанка СССР В. Алхимове в этом ведомстве были подготовлены важные инициативы, направленные на общую модернизацию кредитной системы и существенное повышение ее роли [Барковский 1998, с. 99; Захаров 2005, с. 48]. Однако при уже относительно неплохом понимании проблем и многочисленных проектах по их преодолению практические шаги долгое время откладывались из-за отсутствия политической воли.

Реальные изменения начались лишь через два года после прихода к власти М. Горбачева. Официальный старт долгожданной банковской реформы состоялся в 1987 г., когда было объявлено о создании пяти отраслевых госбанков (или “спецбанков”) с относительно широкими полномочиями (Промстройбанк, Жилсоцбанк, Агропромбанк, Сбербанк, Внешэкономбанк). Далее, в мае 1988 г., был принят чрезвычайно важный Закон о кооперации, по которому, в частности, разрешалось создание негосударственных банков. Еще через три месяца без преувеличения историческим событием стало создание первых таких структур, причем не только в столице, но и в других крупных

городах России – Ленинграде, Казани, Перми и т.д.³ Впервые за многие десятилетия самостоятельная банковская деятельность перестала быть исключительной привилегией Москвы. И хотя общее количество новых банков даже к середине 1990 гг. едва превышало две сотни (против 15 тыс. банков в Соединенных Штатах), уже в такой ситуации стали возможными некоторые географические наблюдения.

Москва в новых условиях была естественным и безусловным лидером, но уже не абсолютным монополистом. К группе следующих по значимости центров, если ориентироваться на количество созданных там негосударственных банков, принадлежали Ленинград, Ростов-на-Дону и Свердловск⁴. Отдельно следует отметить Уфу и Тольятти, где новых корпораций было немного, но они (уфимский “Восток” и тольяттинский АвтоВАЗБанк) практически сразу превратились в мощный бизнес общесоюзных масштабов. Разумеется, банковское пространство России к концу 1980-х гг. представляло собой еще очень неплотную сеть формирующихся кредитных учреждений, в отношении которой на данном этапе трудно было бы применить методы статистической обработки данных и выявить закономерности, подобные американским. Но в любом случае первые шаги к созданию гибкой и децентрализованной банковской системы были сделаны.

Более того, уже на самой грани десятилетий (и рассматриваемых здесь периодов) произошли новые события с далеко идущими последствиями. В июле 1990 г. на фоне нараставшего противостояния между властями Советского Союза и РСФСР был создан Госбанк РСФСР. В последующие месяцы по его инициативе три государственных “спецбанка” (Промстройбанк, Жилсоцбанк и Агропромбанк) были разделены на множество новых финансовых компаний. На этот раз в основу реформы был положен уже не отраслевой, а территориальный принцип. Местные подразделения названной тройки получили возможность по своему усмотрению трансформироваться в самостоятельные банки краевого, областного, городского и даже сельского масштаба (хотя при желании могли остаться и под управлением Москвы). Неудивительно, что в большинстве случаев региональные экономические и политические элиты, тесно связанные с территориальными управлениями спецбанков, решили воспользоваться уникальным шансом.

Благодаря такому пополнению количество кредитных организаций в России почти сразу перевалило за тысячу. Однако из-за особенностей происхождения региональные наследники спецбанков, как правило, действовали лишь в пределах своих субъектов Федерации. Таким образом, стечение обстоятельств на данном этапе привело к тому, что по своему географическому устройству российская банковская система во многом оказалась похожей на американскую, где продолжавший действовать Закон Пеппера–Макфаддена в большинстве случаев не позволял кредитным компаниям пересекать границы штатов. Соответственно, возникли новые транснациональные параллели, которым предстояло развиваться уже в следующем десятилетии.

События 1990-х годов в банковской сфере

Десятилетие 1990–2000 гг. открывается затяжным кризисом начала 1990-х гг., нанесшим ощутимый удар по США и многим другим государствам с устоявшейся рыночной экономикой. Вклад в сокращение глобального ВВП внесли и страны бывшего социалистического лагеря, включая Россию. Постсоциалистический мир, наконец-то

³ 24 августа 1988 г. самым первым в СССР был зарегистрирован кооперативный банк “Союз” из Чимкента (Казахская ССР). Первым в РСФСР стал ленинградский банк “Патент” (дата регистрации – 26 августа). Некоторое время события в союзных республиках развивались примерно по тому же сценарию, что и в России, но вскоре пути заметно разошлись и в экономическом, и в политическом смысле. Для сохранения единой хронологической линии, уходящей в постсоветские годы, в данной статье рассматриваются именно российские банки.

⁴ Здесь и далее расчеты по количеству кредитных организаций проведены на основе данных Банка России (<http://www.cbr.ru>).

развернувший – после долгих лет нерешительности и колебаний – последовательные программы перехода к рынку, пока еще находился в состоянии неизбежного и тяжелого трансформационного спада. В это время банковская система Соединенных Штатов все еще не могла выйти из затяжной полосы неудач, начавшейся с кризиса ссудо-сберегательных ассоциаций в 1986–1987 гг. Количество действующих банков уменьшилось почти на четверть. Географические разрывы, выраженные через СКО, продолжали сокращаться (см. рис.).

Наступила некоторая пауза и в том, что касалось дальнейшей либерализации отрасли. В конце 1980-х–начале 1990-х гг. Конгрессу США пришлось принять серию новых законов, направленных на совершенствование механизмов банковского надзора⁵.

Между тем с 1992–1993 гг. по мере улучшения общей экономической ситуации кредитный сектор вновь начал расти. Вернувшееся благополучие позволило снова обратиться к проведению реформ в неолиберальном духе и заняться ликвидацией еще сохранявшихся избыточных ограничений. В сентябре 1994 г. при мощной поддержке деловых кругов был принят долгожданный Закон об эффективности банковской деятельности и открытии отделений в нескольких штатах (или Закон Ригла–Нила) [The Riegle–Neal... 1994]. Отныне при минимальных (и постепенно снимавшихся) оговорках любой банк мог свободно действовать на всей территории США. Иначе говоря, вслед за прямым государственным контролем над ставками, прекратившимся в начале 1980-х гг., была отменена вторая из ключевых исторических регламентаций (но еще продолжала действовать третья – запрет на совмещение традиционной банковской работы и рискованной игры на фондовом рынке). Закон Ригла–Нила, помноженный на благоприятную экономическую обстановку, решительным образом перекроил банковскую карту США. Уходила в прошлое ранее достаточно жесткая (и лишь отчасти расшатанная в 1980-е гг.) зависимость финансовых достижений того или иного штата от его численности населения и общей экономической базы. Отныне практически в любой точке страны местная кредитная компания могла попытаться преодолеть исторические барьеры и вывести свое дело на общенациональный простор. На одном полюсе оказались те, кто начали активно скупать в других штатах бизнес разорившихся конкурентов и формировать на этой основе большие филиальные сети (среди механизмов, предусмотренных Законом Ригла–Нила, именно этот оказался особенно популярным), на другом – те, кого поглотили более успешные и активные выходцы с чужих территорий. Конечно, первая группа по количественному составу была невелика, но именно она представляется более интересной.

Пожалуй, самым ярким примером подъема от финансовой провинциальности к вершинам успеха стал город Шарлотт. Если в 1980-е–начале 1990-х гг. ему удалось утвердиться в качестве регионального форпоста, уверенно обойдя соседнюю Атланту, то к концу рассматриваемого десятилетия он стал вторым по значимости центром банковского бизнеса во всей стране, уступая лишь Нью-Йорку. (Это произошло после того, как к местному лидеру – холдингу NCNB – был присоединен знаменитый “Bank of America” из Сан-Франциско. Объединенная структура выбрала в качестве названия исторический бренд “Bank of America” и при этом сохранила шарлоттскую прописку. Именно от Сан-Франциско перешел к Шарлотту почетный титул банковской “вице-столицы” Соединенных Штатов.)

Еще один неожиданный и впечатляющий прецедент создал Кливленд (штат Огайо). Этот старопромышленный город, долго искавший свое место в постиндустриальной экономике, нашел его в том числе благодаря “Key Bank” – стремительно выросшей финансовой группе общенационального и даже международного значения. Среди других адресов успеха, достигнутого именно в 1990-е гг., можно назвать такие ранее малозаметные финансовые центры, как Сизтл, Бирмингем и некоторые другие. Вме-

⁵ Закон о равных условиях конкуренции в банковской сфере; Закон о реформе, восстановлении и усилении финансовых институтов; Закон об улучшении работы ФКБВ [Competitive... 1987; Financial... 1989; FDIC... 1991].

сте с группой старых банковских метрополий, сохранивших высокие позиции (Нью-Йорком, Чикаго, Сан-Франциско и т.д.), они все сильнее отрывались от остальных участников банковского бизнеса. В условиях экономического подъема 1993–2000 гг., как это уже было в первой половине 1980-х гг. (но только в еще большей степени), стало увеличиваться пространственное расслоение (см. рис.).

За этими статистическими выкладками все более определенно просматривалась важная и устойчивая закономерность. Однако подведение промежуточных итогов оказалось бы неполным без упоминания об еще одном важном событии. В ноябре 1999 г. на вершине рыночной эйфории был принят Закон о модернизации финансовых услуг (Закон Грэмма–Лича–Блайли) [The Gramm–Leach–Bliley... 1999]. Этот юридический акт нанес удар по последнему из активно критиковавшихся бастионов госрегулирования. Отныне была почти полностью стерта существовавшая с 1930-х гг. грань между коммерческими и инвестиционными банками (то есть, как уже неоднократно упоминалось, между теми, кто ведут обычные кредитно-депозитные операции, и теми, для кого основное занятие – рискованная игра на фондовом рынке). С этим законом на Уолл-стрит связывали особенно большие надежды, которым, однако, еще предстояло пройти проверку в следующем десятилетии.

Тем временем не менее важные события происходили в России. Трансформационный спад, сопровождавшийся резким сокращением производства, высокой инфляцией и многими другими бедствиями, затянулся на долгие годы. Лишь в 1996–1997 гг., когда в рамках данного глобального цикла уже давно росло не только мировое хозяйство в целом, но и экономика ряда постсоциалистических стран, долгожданное оживление наметилось и в России. Впрочем, как раз кредитная отрасль (или, по крайней мере, значительная ее часть) чувствовала себя в эти годы совсем неплохо. Быстро восполняя неудовлетворенный во времена СССР спрос на финансовые услуги, извлекая выгоду из высокой инфляции и резких колебаний курса рубля, а также активно приобретая ценные бумаги федерального правительства, банки подчас представляли собой один из немногих процветавших сегментов национальной экономики. За короткий период был пройден путь от осколков советской финансовой системы или же от плохо организованных кооперативных структур до современных корпораций, обладающих квалифицированными сотрудниками и мощной вычислительной техникой, разворачивающих сети филиалов и банкоматов, а также подключенных к трансграничным платежным системам и интегрированным в мировое кредитное пространство. Конечно, эта дорога не всегда была прямой. Она заметно изменилась, например, под воздействием таких факторов, как ужесточение правил регистрации новых компаний (в основном со II квартала 1995 г.) и кризиса на рынке межбанковского кредита в августе того же года. Но в любом случае важная отрасль, лишь весьма условно существовавшая в СССР, завершила период становления и превратилась в неотъемлемую часть национального хозяйства.

К сожалению, открытые базы статистических данных не позволяют выявить для этого времени полный спектр географических характеристик. Однако и доступные материалы (официальные сведения о количестве банков, а также публиковавшиеся с 1992–1993 гг. рейтинги крупнейших корпораций по величине активов и по собственному капиталу) дают возможность сделать несколько важных наблюдений. Так, вполне очевидно, что Москва, поделившаяся на рубеже 1980-х–1990-х гг. с остальной Россией частью банковских полномочий, в дальнейшем начала быстро восстанавливать позиции, но теперь уже в условиях рыночной экономики и без стремления к абсолюту. Из других центров, помимо Санкт-Петербурга⁶, большое значение на протяжении почти всего десятилетия имела Уфа: даже лишившись банка “Восток”, переехавшего в Москву, столица Башкортостана смогла вывести на рынок другого финансового гиганта – Башкредитбанк (будущий “УралСиб”). Заметной была роль Тольятти и, как

⁶ Используемые далее исторические названия Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород и Самара были восстановлены в 1991 г.

минимум, еще четырех городов (Екатеринбурга, Челябинска, Кемерово и Перми, причем именно в таком порядке), имевших хороший “стартовый капитал” в виде сильной промышленности и больших корпораций, которые произошли от местных спецбанков позднесоветского периода.

В ряде случаев региональные банки, прочно утвердившиеся в своих субъектах Федерации, начали выходить на другие территории, переигрывая более слабых соседей (иными словами, в России началась примерно такая же консолидация кредитного пространства страны, как в США после принятия в 1994 г. Закона Ригла–Нила). Наконец, даже разрозненные сведения, позволяющие лишь приблизительно оценить динамику СКО, дают основания для осторожного вывода о том, что и в России при подъеме банковского сектора обозначилось увеличивающееся расслоение между лидирующими и отстающими городами.

Вскоре, однако, свои поправки в эту картину внес новый кризис, ударивший в августе 1998 г. по только что начавшей расти экономике. Многие крупные банки, особенно в Москве, понесли большие потери; некоторые и вовсе были ликвидированы. Как известно, “великий дефолт” 1998 г. и резкая девальвация рубля в итоге пошли на пользу российской экономике, повысив ее конкурентоспособность в международной торговле. С 1999 г. начался новый подъем национального хозяйства, не прекращавшийся затем почти целое десятилетие. Постепенно восстановился и кредитный сектор. Конечно, эти события относятся уже к следующему периоду. Однако, прежде чем перейти непосредственно к нему, необходимо задержаться на ситуации 1998–1999 гг. – не только из-за кризиса, но также из-за того, что как раз с этого момента по объему и структуре публикуемой статистики Россия приблизилась к Соединенным Штатам. Измерив уже привычный показатель теперь и на российском материале, мы можем убедиться, что в условиях потрясений конца 1990-х гг. отечественная банковская система, как это бывало при схожих обстоятельствах в США, демонстрировала склонность к некоторому сглаживанию контрастов (см. рис.). Россия и в этом плане приближалась к мировой практике.

Третий период эволюции банковской системы

Отсчет третьего периода (2001–2007 гг.) уместно вести с середины 2001 г., когда в США наблюдался непродолжительный и относительно неглубокий кризис. В России хронология была несколько иной: преодолев острые проблемы 1998 г., экономика страны, как уже отмечалось, с 1999 г. уверенно росла, хотя и сбавила обороты во время мирового (и американского) кризиса 2001 г. Но в любом случае с 2002 г. подъем в России и США происходил параллельно. Кредитное сообщество Соединенных Штатов наслаждалось теми возможностями, которые открыл перед ним Закон Грэмма–Лича–Блайли. Банки не просто переключали свое внимание на фондовый рынок, но и участвовали в создании все более сложных финансовых инструментов, обеспечивающих, как нередко утверждалось, высокие доходы при минимальных рисках. К тому же кредитные корпорации играли очень важную роль в развитии строительного бума, предлагая своим клиентам беспрецедентно низкие ставки в ипотечной сфере.

В географическом плане данный этап еще раз подтвердил давно знакомый вывод об увеличивающемся расслоении (см. рис.).⁷ После 2001 г. продолжали наращивать свое огромное превосходство Нью-Йорк и Шарлотт, за лидерами старались тянуться Сан-Франциско, Сизл и Кливленд. Новейшим примером стремительного прорыва в национальную финансовую элиту стал вашингтонский пригород Маклин. Но довольно быстро терял свое историческое влияние крупнейший город Среднего Запада – Чикаго. В том же старопромышленном регионе наблюдалось и еще одно любопытное явление:

⁷ Хорошо заметная на графике корректировка по итогам 2005 г. не отменяла общих правил. В действительности она представляла собой не спад, а лишь замедление роста СКО, связанное с краткосрочным торможением (но опять же не снижением) балансовых показателей у крупнейших холдингов Нью-Йорка – “JPMorgan Chase” и “Citigroup”.

если в штате Огайо уверенно развивалась целая группа заметных банковских узлов (не только Кливленд, но также Колумбус, Цинциннати и некоторые другие города), то в соседнем Мичигане единственный отраслевой центр высокого ранга (Детройт) переживал затяжной период неудач. Контраст между Огайо и Мичиганом убедительно иллюстрировал то, как сильно могут разойтись пути исходно сопоставимых территорий в условиях неолиберальной экономики.

В этот же период кредитный сектор уверенно рос и развивался и в России. Наряду с дальнейшим эволюционным накоплением частных изменений на данном хронологическом отрезке произошел очень важный прорыв, связанный с созданием государственной системы страхования вкладов⁸. К 2004 г. в нашей стране наконец-то появился и начал эффективно работать тот защитный механизм, который существовал в США еще со времен Ф.Д. Рузвельта. Что касается базовых пространственных параметров отрасли, то и в этом плане Россия вышла на стандартную траекторию. Статистика 2000-х гг. вполне определенно свидетельствовала об увеличивающемся территориальном расслоении на фоне общего подъема (см. рис.). Российская конфигурация заметно приблизилась к американской и в некоторых относительно частных моментах. Если, например, по аналогии с Мичиганом и Огайо взглянуть на центры старопромышленных регионов, то можно увидеть, как при сопоставимом стартовом багаже разошлись их пути в постиндустриальной сфере: очень видное местно в ней и ее финансовом сегменте занял Екатеринбург, в целом смогли адаптироваться Нижний Новгород и Челябинск, но заметно слабее выглядели Пермь и тем более Кемерово. Помимо Екатеринбурга хороших результатов на этом этапе добились Санкт-Петербург, Казань и Самара, а Уфа, напротив, резко снизила рейтинг после переезда банка “УралСиб” в Москву. В любом случае все эти локальные факты вносили свой вклад в общую картину нарастающей дифференциации.

Правда, при сходстве этого фундаментального тренда Россия резко отличалась от США, как минимум, по двум другим позициям. Во-первых, по гораздо более высокой концентрации ресурсов в ведущем финансовом центре: на долю Москвы приходилось около 80% от суммарных активов российских банков, тогда как у Нью-Йорка, не совмещающего деловые функции с политическими, аналогичный показатель при любом способе подсчетов не превышал 30–35%. Во-вторых, в России подобным превосходством над окружающими территориями обладали и “малые столицы”, то есть административные центры субъектов Федерации. Почти каждый из таких городов в течение всего периода 2001–2007 гг. был главным банковским узлом своего региона, и лишь на шести территориях время от времени находились другие лидеры (причем в каждой отдельной хронологической точке подобных субъектов Федерации никогда не было более четырех, что составляло 5,3% от общего количества⁹).

Зато в США ситуация была почти противоположной: там лидерство нестоличных городов постоянно наблюдалось в 42–43 штатах (то есть в 84–86%). Хотя такое расхождение может объясняться большим набором факторов, не вызывает сомнений главный из них. Очевидно, что для российских банкиров географическая близость бизнеса к центрам управления бюджетными потоками федерального или регионального уровня намного важнее, чем для их американских коллег. Замечу также, что данное обстоятельство не только не стало ослабевать, но и, наоборот, усилилось на пороге третьего десятилетия свободной банковской деятельности.

⁸ Ее юридической основой стал закон “О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации” (Федеральный Закон РФ от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ).

⁹ Для большей объективности в этой части расчетов из 83 субъектов РФ (их официальное количество на 1 января 2014 г.) были исключены те, у которых в рассматриваемый период не было собственных банков (Чеченская Республика, Еврейская автономная область, Ненецкий и Чукотский автономные округа), а также те, которые представляют собой отдельно взятые города (Москва и Санкт-Петербург), и, наконец, те, которые имеют административные центры за пределами своих территорий (Московская и Ленинградская области). Таким образом, учитывались только 75 субъектов Федерации, где в той или иной степени существует – или хотя бы теоретически может существовать – банковская конкуренция между “малой столицей” и остальным пространством.

15 сентября 2008 г. крушение нью-йоркского инвестиционного банка “Lehman Brothers”, наложившись на уже давно происходившее падение рынка недвижимости и сокращение объемов кредита, подтолкнуло начало нового кризиса мировой экономики, которому суждено было оказаться самым тяжелым за долгие десятилетия. После энергичных мер, принятых многими правительствами и рядом наднациональных организаций, ситуация со второй половины 2009 г. стала улучшаться; кризис – если судить по динамике ВВП и другим техническим показателям – был преодолен. Впрочем, и по состоянию на середину 2014 г. глобальный экономический рост выглядит очень неуверенным и ненадежным. В любом случае мы имеем дело с еще незавершенным макроэкономическим циклом. Соответственно, о его проекции на американскую и российскую банковскую систему пока можно говорить лишь в предварительном и самом общем ключе.

В США ответом на новые вызовы стала очередная корректировка правового фундамента. В июле 2010 г. был принят Закон о реформе Уолл-стрит и защите потребителей (Закон Додда–Фрэнка) [The Dodd–Frank... 2010]. Помимо отраженной в его названии направленности на поддержку рядовых клиентов финансового сектора этот документ частично восстанавливал границу между банковской деятельностью и фондовым рынком – ту очень важную разделительную черту, которая была проведена в 1930-е гг. и стерта в конце 1990-х гг. (с принятием Закона Грэма–Лича–Блайли). Подобная идея представлялась вполне логичной, ведь именно чрезмерное погружение банков в фондовый рынок и их участие в создании опасных финансовых инструментов стало одной из причин недавнего экономического кризиса. Закон Додда–Фрэнка (встретивший, впрочем, мощное сопротивление со стороны лоббистов и до сих пор реализованный не в полном объеме)¹⁰ обозначил в своей сфере ответственности отход от крайнего неолиберализма, характерного для 2000-х гг., в сторону его умеренной версии, существовавшей в предыдущем десятилетии.

В России корректировки не затронули основную законодательную базу, но тоже оказались достаточно важными. Например, был повышен (как и во многих других странах) потолок страхового покрытия по вкладам физических лиц. В результате некоторых корпоративных слияний расширилось прямое государственное присутствие в банковском секторе. Постепенно возрастающие требования Центробанка к уровню собственного капитала кредитных структур подтолкнули процесс дальнейшей концентрации бизнеса. (Замечу, что и в этом плане Россия отличается от США, где некоторые механизмы Закона Додда–Фрэнка могут сдерживать избыточное и опасное сосредоточение активов в небольшой группе суперкорпораций.)

Курс на ужесточение надзорной практики стал еще более выраженным при новом руководителе Центрального банка Э. Набиуллиной (с июня 2013 г.). За последующие 12 месяцев лицензий лишились около 80 кредитных организаций – обычно с такими формулировками, как “нарушение правил бухгалтерского учета”, “высокорискованная кредитная политика”, “размещение средств в низкокачественные активы” и т.д. Расчеты на основании бюллетеней Центрального банка показывают, что в течение III и IV кварталов 2013 г., а также I и II кварталов 2014 г. прекращали работу в среднем по 2% от общего числа действующих банков. Столь стремительной “депопуляции” отрасль не знала со времени кризиса 1998–1999 гг. Конечно, отмеченная линия федерального регулятора не имеет специальных географических предпочтений, но она, скорее всего, также будет способствовать смещению кредитной активности в сторону наиболее заметных городов.

Итак, обращаясь в заключение к главной теме этой статьи, то есть к пространственному устройству национальных банковских систем, следует еще раз посмотреть

¹⁰ Обстоятельный анализ различных вопросов, связанных с принятием и действием Закона Додда–Фрэнка, представлен в [Кулакова 2013].

на рисунок. Показанные на нем кривые опять, уже на новейшем материале, подтверждают эмпирически найденную закономерность. Кризисные явления 2008–2009 гг., как и следовало ожидать, в очередной раз привели к временному сокращению территориальных разрывов, а обозначившийся в 2010–2013 гг. экономический рост вернул ситуацию к основному современному тренду – увеличивающемуся (особенно в России) расслоению, все более явному отрыву малочисленной, но не обязательно закрытой, лидирующей группы от ее окружения. Эта двойная закономерность (расслоение при росте, сглаживание при падении) с достаточно высокой четкостью просматривается на доступных материалах по России и США, хотя по многим иным параметрам между названными странами имеются глубокие различия.

Некоторые предварительные замеры по другим государствам, уже за рамками данной статьи, позволяют с определенной осторожностью предположить, что здесь мы имеем дело не просто со случайным совпадением российских и американских реалий, а с устойчивым правилом, работающим даже при резких исторических различиях, далеко не совпадающих масштабах национальных экономик и т.д. Насколько это правило будет и дальше сохраняться в условиях США и России, действительно ли оно проявляется и в других странах, а также на наднациональном уровне – это вопрос, для изучения которого потребуется регулярный мониторинг и проведение новых исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барковский Н.Д. (1998) Мемуары банкира (1930–1990). М.: Финансы и статистика.
- Захаров В.С. (2005) Очерки банковской реформы 1988–1991 гг. М.: Финансы и статистика.
- Кротов Н.И. (2008) История советской банковской реформы 80-х гг. XX в. (Свидетельства очевидцев. Документы). Кн. 2. Первые коммерческие банки (1988–1991). М.: Экономическая летопись.
- Кулакова В.К. (2013) Трудности финансовой реформы в США // Вопросы экономики. № 10.
- Никитин Л.В. (2012⁶) Банковское пространство России в 1988–2011 гг.: от монополии столицы к конкуренции городов // Общественные науки и современность. № 2.
- Никитин Л.В. (2011) Закон Ригла–Нила (1994 г.) и его место в новейшей экономической истории США // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия “Социально-гуманитарные науки”. 2011. Вып. 16. № 9 (226). С. 38–41.
- Никитин Л.В. (2012^а) Конкуренция штатов в банковской системе США: от “революции Рейгана” до реформ Обамы // Американский ежегодник. М.: Весь мир.
- Никитин Л.В. (2008) Миллионные города на банковской карте России: масштабы бизнеса, география влияния и сетевые связи // Вопросы экономики. № 9.
- Cassis Y. (2010) Capitals of Capital. The Rise and Fall of International Financial Centres. 1780–2009. New York: Cambridge Academ.
- Competitive Equality Banking Act of 1987. Pub. L. 100–86.
- Depository Institutions Deregulation and Monetary Control Act of 1980. Pub. L. 96–221.
- FDIC Improvement Act of 1991. Pub. L. 102–242.
- Financial Institutions Reform, Recovery and Enforcement Act of 1989. Pub. L. 101–73.
- GaWC (Globalization and World Cities Research Group) (<http://lboro.ac.uk/gawc>).
- The Dodd–Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act of 2010. Pub. L. 111–203.
- The Garn–St. Germain Depository Institutions Act of 1982. Pub. L. 97–320.
- The Gramm–Leach–Bliley Financial Services Modernization Act of 1999. Pub. L. 106–102.
- The Riegle–Neal Interstate Banking and Branching Efficiency Act of 1994. Pub. L. 103–328.
- Z/Yen (<http://zyen.com>).

Geography of the banking sector in the US and Russia: parallels and differences (1980–early 2010-ies.)

L. NIKITIN*

* **Nikitin Leonid** – candidate of historical sciences, associate professor of Chelyabinsk State Pedagogical University and South Ural State University. Address: Lenin av., 76, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: nd2001nikitin@mail.ru.

Abstract

Basing on statistical data the author compares evolution of inner banking spaces of the USA and Russia during the 1980–early 2010-ies. The study has found that in both countries there are synchronically growing inequalities between leading and secondary banking centers; on the other hand, in Russia administrative position of this or that city is much more important for banking success than in the United States.

Keywords: banks, competition of cities, statistical analysis, stratification.

REFERENCES

- Barkovskiy N.D. (1998) *Memuari bankira (1930–1990)* [Memoirs of a banker (1930–1990)]. Moscow: Finansy i statistika.
- Cassidy Y. (2010) *Capitals of Capital. The Rise and Fall of International Financial Centres. 1780–2009*. New York: Cambridge Academ.
- Competitive Equality Banking Act of 1987. Pub. L. 100–86.
- Depository Institutions Deregulation and Monetary Control Act of 1980. Pub. L. 96–221.
- FDIC Improvement Act of 1991. Pub. L. 102–242.
- Financial Institutions Reform, Recovery and Enforcement Act of 1989. Pub. L. 101–73.
- GaWC (*Globalization and World Cities Research Group*) (<http://lboro.ac.uk/gawc>).
- Krotov N.I. (2008) *Istoriya sovetskoy bankovskoy reformi 80-h gg. XX v. (Svidetelstva ochevidcev. Dokumenty)*. Kn. 2. *Pervye kommercheskie banki (1988–1991)* [The history of the Soviet banking reform 80s. XX century (Testimonies. Documents). Vol. 2. The first commercial banks (1988–1991)]. Moscow: Ekonomicheskaya letopis'.
- Kulakova V.K. *Trudnosti finansovoy reformi v SSHA* [Difficulties in the US financial reform]. *Voprosy ekonomiki*. 2013, no. 10, pp. 147–158.
- Nikitin L.V. (2012⁶) *Bankovskoe prostranstvo Rossii v 1988–2011 gg.: ot monopolii stolici k konkurencii gorodov* [Bank space of Russia in 1988–2011: from monopoly capital to the city competition]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 2, pp. 5–20.
- Nikitin L.V. (2012^a) *Konkurenciya shtatov v bankovskoy sisteme SSHA: ot revolyucii Reygana do re form Obami* [Competition States in the banking system of the USA: from the “Reagan revolution” before the reforms Obama]. *Amerikanskiy ezhegodnik*. Moscow: Ves mir, pp. 26–43.
- Nikitin L.V. (2008) *Millionnie goroda na bankovskoy karte Rossii: masshtabi biznesa, geografiya vliyaniya i setevye svyazi* [Millions of the city on the Bank card Russia: scale of business, areas of influence and networking]. *Voprosy ekonomiki*, no. 9, pp. 84–97.
- Nikitin L.V. *Zakon Rigla–Nila (1994 g.) i ego mesto v noveyshey ekonomicheskoy istorii SSHA* [Law Rigla–Nile (1994) and its place in modern economic history of the United States]. *Vestnik Uzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Socialno-gumanitarnye nauki*. 2011, no. 9, pp. 38–41.
- The Dodd–Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act of 2010. Pub. L. 111–203.
- The Garn–St. Germain Depository Institutions Act of 1982. Pub. L. 97–320.
- The Gramm–Leach–Bliley Financial Services Modernization Act of 1999. Pub. L. 106–102.
- The Riegle–Neal Interstate Banking and Branching Efficiency Act of 1994. Pub. L. 103–328.
- Zaharov V.S. (2005) *Ocherki bankovskoy reformi 1988–1991 gg.* [Essays on banking reform from 1988–1991]. Moscow: Finansy i statistika.
- Z/Yen (<http://zyen.com>).